

Кармен Лазарь Осипович

**"Дикари" Из жизни "дикарей"
Одеспорта**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л17

Л17 **Лазарь Осипович К.**
"Дикари" Из жизни "дикарей" Одеспорта / Кармен Лазарь Осипович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 125 с.

ISBN 978-5-519-88453-2

ISBN 978-5-519-88453-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А въ нѣсколькихъ шагахъ рослый, загорѣлый биндюжникъ съ серьгой въ ухѣ, ударялъ широкой ладонью по дну, выгоняя пробку изъ объемистой бутылки съ водкой.

Пробка выскочила, тотъ крикнулъ, вытеръ рукавомъ губы, опрокинулъ голову, перекрестился и забульбулькалъ водкой надъ широко раскрытой пастью.

Жаба глядѣлъ на него съ завистью.

— Гдѣ-бы раздобыть двугривенный?—продолжалъ между тѣмъ озабоченно твердить Клепка, косясь на рединготъ Жабы.—А «фракъ» у тебя—знатный; сукно важнецкое!—и онъ пощупалъ хвостъ редингота.—Чей онъ?

— Агента!

— То-то! Пять двугривенныхъ за него дали-бъ. Сукно стоитъ. Идемъ!—и онъ дернулъ за рукавъ Жабу.

Жаба машинально тронулся и такъ-же машинально вошелъ вслѣдъ за нимъ къ „Ханкѣ бѣдной“ въ лавочку.

Прошло пять минутъ и оба пріятели вышли.

Жаба вышелъ безъ редингота, шляпы, жилета и галстуха. За то въ карманѣ у него болтались два рубля.

— Теперь выпьемъ!—воскликнулъ Клепка.

— Выпьемъ!.. А какъ Лида?!

— Да ну ее, плюнь!...

Спусти нѣсколько часовъ Жаба сидѣлъ въ харчевнѣ среди прежнихъ товарищей и въ прежнихъ лохмотьяхъ.

Онъ былъ пьянъ и, какъ всегда, клялся:

— Завтра безпремѣнно пойду повидать Лидку!

Товарищи хохотали, а старый, тутъ же сидѣвшій и на-пророчившій ему „Воронъ“ качалъ своей птичьей головой и, какъ тогда, каркалъ:

— Портъ, братъ, гидра и лапы у него цѣпкія. Схватить —не выпустить.

Въ „сахарномъ“ вагонѣ.

«Шкентеля» — отставного бомбардира — не пустили въ пріютъ, вдобавокъ избили его и онъ стоялъ передъ этимъ самымъ пріютомъ въ часъ ночи на площади возлѣ обжорки.

Видъ у него былъ ужасный.

Форменная фуражка съ пунцовымъ околышемъ съѣхала у него на затылокъ, вспухшее лицо багровѣло, ротъ, не считающій двухъ зубовъ, только что выбитыхъ, изрыгалъ сквернословія, и Шкентель былъ похожъ на дикаго разъяреннаго кабана, выгнаннаго изъ чащи.

— Грабители, — гремѣлъ сильнымъ басомъ бомбардиръ на всю площадь, — идола, боженьята пересыпскіе! Что - бѣ вамъ ни дна, ни покрышки, телеграфный столбъ вамъ въ ротъ съ паклей. Небось дрыхнете, потягиваетесь, тепло вамъ! А мы, какъ собаки, мерзнемъ на площади. Не могли, дьяволы, четырехъ копѣекъ «позычить». Что стоило вамъ?! Сами вѣдь знаете: портъ замерзъ; безработица и на «декохтѣ» (не ѣвши) сидимъ. Гдѣ взять «на хату»? Не пойду-же я стрѣлять, потому что не стрѣлокъ я гнусный, а человѣкъ порядочный, «привеллигерованный». Бомбардиръ я, кавалеръ, въ кампаніи участвовалъ и отечеству служилъ. А вы что?! Празднѣвать васъ, да жаль пороху. Тьфу! тьфу! — и Шкентель въ озлобленіи нѣсколько разъ плюнулъ въ черныя, массивныя и наглухо закрытыя двери.

Двери, какъ и надо было ожидать, не оскорбились и только насмѣшливѣе, какъ показалось бомбардиру, поглядѣли на него своими грязными филенкамп.

Бомбардира взорвало.

— Отворите! — разразился онъ сильнѣе и сталъ колотить, какъ бѣшеный, головой, руками и ногами о двери.
— Прразнесу, подожгу!

За дверьми черствый сторожъ все слышалъ, но не тронулся съ мѣста.

— А ты - бы открылъ двери, дапустилъ его. Онъ замерзнетъ на площади, — сталъ его просить лежавшій въ прихожей «угольщикъ».

— Ладно, много васъ тутъ «дикарей» наберется. И такъ поперло нынче въ пріютъ 900 человѣкъ съ лишнимъ. Спд, не рассказывай!

Сторожъ прикрутилъ лампу, легъ на нару, зѣвнулъ и сталъ шептать вечернюю молитву.

Колотилъ - колотилъ Шкентель въ двери и плюнулъ. Усталъ.

Будь Шкентель одинъ, онъ, быть можетъ, такъ не раздражался - бы, но съ нимъ былъ Витька, его маленькій и добрый дружокъ Витька!

— Ну и погода, ну, и ноченька, — сталъ теперь тоскливо причитывать Шкентель. — Ишь Нордъ-Остъ, что-бъ ему тошно было. Какъ свищетъ, какъ шипитъ, какъ змѣй — Горынычъ! А за брекваторомъ должно быть жутко, охъ, жутко. И маяка совсѣмъ не видать - то. Витька, дитѣ, другъ мой! мерзнешь! Го-о-лъ, какъ соколъ. Нѣтъ у тебя ни сапожковъ, ни сорочки, ни шапки, ни косынки на шеѣ. Только и есть на тебѣ одна блуза, да и то безъ пуговицъ, и штанишки порванные. Этакъ Витька схватитъ тифъ, что плюнуть. И куда мы съ тобой въ эту ночь несчастные дѣнемся? Гдѣ спать будемъ? А, Витька?! И Шкентель положилъ свою черную шаршавую лапу на плечо тершагося у его ногъ оборвыша.

Витька, чрезвычайно похожий на елочную и надломленную на серединѣ свѣчу, тоненькій, маленькій, вскинулъ каріе глазки и просюсюкалъ сквозь зубы:

— А можетъ, дядя Шкентель, въ клепкахъ?

— Сморчекъ!—обрѣзалъ Шкентель и легонько выдралъ его за ухо. Что выдумалъ?! Въ клепкахъ, неразумный ты, можно спать только лѣтомъ. Тогда тепло, свѣтитъ луна и въ клепкахъ лежать—одно удовольствіе. Какъ на дачѣ лежишь. А зимой надо искать мѣста потеплѣе, потому что ляжешь и не встанешь больше. Замерзнешь. А если хочется человѣку жить и есть у него желаніе выбраться когда-нибудь изъ проклятаго порта, то слѣдуетъ выдумать что-нибудь поумнѣе. Слышь, Витька, думай!

Витька заморгалъ глазенками, потянулъ носомъ, забарабанилъ сильнѣе зубами и нагнулъ голову.

— А можетъ быть, дядя Шкентель, въ „черномъ“ ящикѣ? опять надумалъ онъ.

— Г-мъ! Ты хочешь сказать въ сорномъ ящикѣ. Ты говоришь дѣло. Тамъ и тепло, и мягко, не дуетъ. Но тамъ спать намъ не пристало. Я—отставной бомбардиръ, кавалеръ, въ кампаніи участвовалъ, человѣкъ грамотный и при томъ — «корзинщикъ», понимаешь? А ты, хотя и сморчокъ, но все-же «чистильщикъ котла», что-то «въ-родѣ Володи», въ-родѣ механика, кочегара или трубочиста. Оба, выходитъ, мы люди — благородной профессіи. Въ сорномъ ящикѣ спятъ только «дикари», потому что — народъ они — самый безвыходный. Имъ что на койкѣ, что въ навозѣ—все единственно. А мы вотъ лучше съ тобою въ «сахарномъ» вагонѣ выспимся. Тамъ и соломки, и рогожу достать можно. Я тебѣ постелю постельку. Шкентель расчувствовался. — Ты вѣдь одинъ, какъ перстъ. Нѣтъ у тебя, Витька, ни отца, ни матери. Бросили тебя, какъ щенка паршиваго, на набережную. А кто

бросилъ—допытывайся. Ну, да это ничего. Я тебя въ вагонѣ уложу—ты и заснешь съ Богомъ. А завтра мы раздобудемъ денегъ и сходимъ съ тобою въ чайную, въ «трезвость» ¹⁾. Я тебя напою чаемъ и накормлю плавомъ. Куплю тебѣ пальтишко, шапку, теплушки, а пока—малый ходъ, отдай якорь!

Шкентель подхватилъ за руку Витьку и оба засѣменили босыми ногами по безлюдной, мертвой, занесенной снѣгомъ площади.

Погода была отвратительная.

Съ моря дулъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ. Онъ рвалъ съ убогихъ пивныхъ и тавернъ вывѣски, терзалъ крыши и съ грохотомъ валилъ цѣлыя сооруженія изъ половогого желѣза, шпаль, клепокъ, черепицы.

Во влажномъ и холодномъ воздухѣ низко-низко висѣлъ туманъ, клубились испаренія, сверкалъ снѣгъ, и площадь, казалось, слилась съ набережной и съ сжатымъ въ ледяные тиски моремъ, въ одну массу, въ одинъ безбрежный океанъ снѣга, по которому свѣтлыми точками маячили пароходные огни.

Шкентель и Витька сѣменили наугадъ, ощупью.

Они помпнотно натыкались на столбъ, на пакгаузъ, спотыкались о тюки, клепки, проваливались въ рыхломъ снѣгу по поясъ и выбрались наконецъ на набережную.

Пока оба находились на площади, они могли считать себя находящимися въ хорошо защищенной и закрытой со всѣхъ сторонъ бухтѣ. Ихъ защищали отъ сильныхъ порывовъ вѣтра, построенные въ карре—дома, таможня, пріюты.

Здѣсь-же, на набережной, они находились въ открытомъ мѣстѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ сверкало снѣжной бѣлизной море.

Лютый вѣтеръ шарилъ по льду, рвалъ уходящія въ высь обледенѣлыя пароходныя снасти, рвалъ, привязанныя къ

¹⁾ Чайная попечительства о народной трезвости въ Одесскомъ порту.

трапамъ, шаланды, кружилъ цѣлыя облака бѣлой колючей пыли и наполнялъ демоническимъ воемъ всю пристань.

Стонала и кряхтѣла набережная.

Стонали и кряхтѣли элеваторъ, и одинокіе, занесенные снѣгомъ, пакгаузы; слышно было, какъ тутъ и тамъ падалъ съ трескомъ подломленный столбъ, какъ съ шумомъ мчался по рельсамъ бѣлый, какъ привидѣніе, вагонъ, прыгала бочка, осыпались горы сложенного сотнями рабочихъ рукъ антрацита.

— Ну, и ноченька, ноченька! Чтобъ тебѣ ни дна, ни покрышки, въ ротъ-бы тебѣ телеграфный столбъ съ паклей! Да ну, брось! злился и ворчалъ Шкентель, кутаясь въ свою дырявую «хламиду», сшитую изъ мѣшковъ, промерзшую и похожую теперь на панцирь.

Онъ шелъ, согнувшись и, посинѣвшими пальцами хватаясь за каждый подвернувшійся предметъ, дабы не быть подхваченнымъ вѣтромъ.

Вѣтеръ сорвалъ у него фуражку и забросилъ ее далеко-далеко въ море, расхлесталъ на груди у него хламиду и насыпалъ ему за дырявую сорочку снѣга.

— Эхъ, кабы Богъ далъ до вагоновъ скорѣе добраться!
вздыхалъ Шкентель и поглядывалъ на Витьку.

Бѣдный мальчикъ совершенно выбился изъ силъ.

Ноги у него одеревенѣли и онъ весь превратился въ сосулькѹ.

— Скоро, скоро будемъ въ вагонѣ, тамъ — тепло, со-
грѣемся! сталъ напѣвать ему Шкентель.

Но не то напѣвалъ вѣтеръ.

Злой, беспощадный, онъ пуще кружилъ облака снѣга.

Вотъ онъ налетѣлъ, ударилъ разъ, два и смялъ подъ собой, какъ былинку, Витьку.

Шкентель выругался и нагнулся.

Витя лежалъ на спинѣ лицомъ кверху. Лицо у него было бѣлое-бѣлое, глаза закрыты.

Вѣтеръ разметалъ у него блузку и обнажилъ узкую грудь съ тонкими ребрами, плечи и бедра. Мальчикъ казался голымъ.

— Витька! позвалъ его съ тоской въ голосъ корзинщикъ.

Витька чуть-чуть открылъ глаза и уставился въ Шкентеля.

— Что? спросилъ Шкентель и припалъ къ нему ухомъ.

— Я здѣсь останусь, мнѣ тепло, — пролепеталъ Витя.

— Ну, ужъ это дудки! — и Шкентель сгребъ его въ охапку. Онъ положилъ его свѣсившуюся, какъ у подстрѣленной пташки, головку къ себѣ на плечо, сунулъ въ хламиду его ноги, кое-какъ прикрылъ ему грудь, сталъ дышать на него и зашагалъ впередъ, заслоняя его лѣвой рукой отъ неперестававшаго насакивать на нихъ волкодавомъ — вѣтра, заслоняя, какъ теплящуюся свѣчку.

II.

Я хочу васъ поближе познакомить со Шкентелемъ и Витькой.

Шкентель — «корзинщикъ». Онъ выгружаетъ и нагружаетъ угольные вагоны корзиной, пьетъ, какъ и всѣ угольщики, «мертвую», спитъ, не раздѣваясь, разъ въ два года моется и слыветъ за человѣка пропащаго.

Шкентель самъ, однако, не считаетъ себя пропащимъ, ибо вѣрить, что настанетъ время и жизнь его потечетъ по иному руслу и что это русло вынесетъ его «наверхъ» и онъ станетъ тѣмъ, чѣмъ былъ раньше.

А былъ онъ раньше «человѣкомъ» и жилъ, какъ живутъ всѣ, — «по человѣчески».

Шкентель, не смотря на свою угрюмую наружность — человекъ мягкій и добрый. Это видно уже изъ того, какъ онъ привязался къ Витькѣ.

Витька — истое дитя набережной.

Какъ онъ попалъ на набережную — неизвѣстно.

Онъ росъ среди клепокъ, пакгаузовъ, росъ среди «кадыковъ» и «стрѣлковъ», спалъ по пріютамъ, въ стружкахъ, чистилъ котлы, курилъ и жевалъ табакъ не хуже любого «Джона», пилъ, пилъ сильно, до потери сознанія — его научили пить «стрѣлки», — валандался онъ за портовыми дамами-посметюшками, отмѣнно боксировалъ, тащилъ изъ мѣшковъ кокосы, основательно зналъ всѣ нравы и ухватки аборигеновъ порта и ругался такъ, что въ груди духъ спирало.

При такихъ талантахъ, Витька обѣщалъ вырасти образцовымъ «дикаремъ».

Шкентель пожалѣлъ его.

Это дитя съ добрыми карими глазками, круглый сирота, вѣчно испачканный, грязный, пьяный, избитый и ни въ комъ не встрѣчавшій сочувствія, сталъ ему роднымъ, близкимъ. И онъ сдѣлался какъ-бы опекуномъ Витьки.

Онъ прибралъ его въ свои руки, сталъ одѣвать, учить, отучать его отъ нѣкоторыхъ дурныхъ привычекъ и наказывать за малѣйшее ослушаніе.

И Витя привязался къ нему.

— Жаль мнѣ тебя, Витька, — не разъ говаривалъ Шкентель мальчику. Если не бросишь курить, пить да въ «орла-орѣшъ» съ «кодыками» играть, — погибнешь. Вотъ я. Могъ жить въ свое удовольствіе, а вышелъ изъ меня «дикарь».

Говорить онъ такъ, втолковываетъ ему, а потомъ потащить его куда-нибудь въ клепки, достанетъ букварь и начнетъ учить его:

— Бе-а-ба...

— Бе-а-ба! — вторить серьезно и покачиваясь всѣмъ корпусомъ Витька.

— Витька, эй, Витька!—вдругъ раздается сбоку чей-то пискъ. — Да, ну, брось склады читать, идемъ въ орла и орѣшь играть! и передъ учителемъ и ученикомъ вынырять лукавое личико Сеньки «курносаго».

— Дяденька!—вспыхиваетъ и начинаетъ ерзать Витька, — дозволю, я на минуточку.

— Я тебѣ дамъ на минуточку! — сердится «корзинчикъ». — Сиди! А ты «курносая пятница» проваливай! — замахивается онъ клепкой на пскусителя и выпускаетъ въ присутствіи ученика цѣлый залпъ карантинныхъ ругательствъ.

— Самъ ты... — отругивается Сенька почище Шкентеля и, высунувъ ему языкъ, испаряется.

Прилетитъ потомъ Петрушка-«Корявый».

— Витька, — скажетъ онъ таинственно, — идемъ кокосы тащить.

И постоянно въ такихъ случаяхъ Шкентель прогонялъ искусителя, читалъ Витькѣ нотацию, напоминалъ ему шестую заповѣдь и грозилъ кутузкой.

— Попаденіе въ кутузку, будешь клоповъ кормить.

Въ праздничный день оба отправлялись на «Ланжеронъ» и удили рыбу, а потомъ варили уху, съѣдали ее и заваливались спать тутъ-же на берегу.

Въ другой разъ они отправлялись въ городъ и передъ разбѣгавшимися глазками Витьки возставалъ новый міръ съ новыми впечатлѣніями. Шкентель по долгу останавливался съ нимъ у витринъ, и Витька пожиралъ глазами игрушки, торты, картины и книги.

— Вотъ, — считалъ долгомъ Шкентель каждый разъ и у каждой витрины напомнить Витькѣ, —если хочешь быть человѣкомъ, сладко ѣсть, пить, хорошо одѣваться и имѣть

всѣ эти картинки и книжки, — не сходишь съ «кадыками», не кури и не пей водку!

Хорошо проводили они вечера, зимніе и осенніе. Заберутся, бывало, въ дальній уголъ въ пріютѣ. Шкентель уложитъ Витьку на матрацъ, укроетъ его, самъ ляжетъ рядомъ, запыхтитъ окуркомъ и начнетъ рассказывать.

А рассказывать онъ былъ мастеръ. Онъ рассказывалъ много интереснаго, такъ какъ много бродилъ на своемъ вѣку и видалъ многое.

Онъ рассказывалъ о шахтахъ, гдѣ люди откалываютъ кирками уголь, о широкихъ степяхъ, гдѣ, какъ море, волнуется рожь, о высокихъ горахъ, и Витька слушалъ, таращилъ глазенки и подъ конецъ засыпалъ.

III.

Да, дорогъ, очень дорогъ былъ Шкентелю Витька.

И насколько дорогъ, онъ лишь теперь, въ эту ночь почувствовалъ.

Зная, что Витька въ опасности, онъ не переставалъ дышать на него, кутать и оберегать его отъ вѣтра, поворачиваясь то спиной, то бокомъ.

Сдѣлавъ два-три десятка шаговъ, Шкентель остановился, поправилъ свѣсившуюся черезъ плечо головку Вити и прижался къ эстокадѣ для того, чтобы отдохнуть и дать вѣтру улечься.

Вдругъ въ двухъ шагахъ отъ нихъ сверкнулъ огонекъ и какъ изъ земли выросъ атлетическаго сложенія негръ.

Негръ, несмотря на морозъ, былъ въ легкомъ клѣтчатомъ пиджакѣ, въ такихъ же брюкахъ, въ котелкѣ и дымилъ пѣнковой трубкой.

— Стой, Джонъ, мистеръ!—обрадовался Шкентель и загородилъ ему дорогу.—Дай табаку,—гивъ ми́зсмокъ!